

А л е к с е й Л е в и н с о н

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
К РАССУЖДЕНИЯМ О ПРИВАТНОМ

ВСТУПЛЕНИЕ

«Приватное» — «публичное» — иная дихотомия, нежели «закрытое» — «открытое». Хорошо известны и широко описаны в литературе прошлого века два варианта отношений между терминами этих дихотомий. В тех общественных условиях, которые по традициям нашей либеральной мысли помечаются как открытые, приватное означает прикровенное, интимное, личное, а публичное — доступное для всех, гражданское, общечеловеческое. И это пространство гражданской свободы. В других, именуемых, напротив, закрытыми, публичное оказывается максимально регламентируемым, зажатым в рамки тоталитарного режима, а приватное — единственным пространством возможной свободы, хранилищем гражданского начала.

Пафос этого спецномера и предварявшей его конференции (Баннных чтений) состоял в том, чтобы в общественных условиях, которые согласно названной традиции считаются закрытыми, находить элементы, феномены открытости. Иными словами, это означало отказаться от тоталитарного подхода к тоталитаризму. В предлагаемых ниже построениях автор надеется показать это на примере латентного существования программ свободы в несвободных общественных условиях и их раскрытия и реализации при изменении этих условий.

СВОЕ

Есть общий смысл у слов «частное» и «приватное». Запомним его. Слово «частное» присутствует в дихотомии «частное»—«общее». Отстраним философскую семантику и возьмем смыслы, говорящие о принадлежности, собственности, правах распоряжения. Здесь легко увидеть частный субъект, для которого частное — это мое, общее — их. Субъект может быть коллективным, тогда частное — это «наше» в одном смысле, а общее — «наше» в другом. Так мы попадаем в зону действия мощнейшей социальной семантемы «свое». Сосредоточимся на смыслах, собираемых этим словом «свое». Вернемся к общему, которое есть в категориях «частного» и «приватного», и возьмем в нем то, что откликается на слово «свое». Здесь можно вообразить мир физических объектов, материальных тел или благ, но можно говорить о том, что вещами не является, но все же зовется словом «свое». Тогда мы понимаем, что видим мир, в котором существует каждый человек и который является необходимым условием его существования. И этот мир имеет место лишь потому, что существует этот человек, а также и другие люди. Но не всякие, а «свои». Ясно, что мы затронули оппозицию «свои»—«чужие», с которой столь многое начинается в названных выше дисциплинах. Но пока остановимся на слове «свои». В его семантике нам прежде всего видны сами люди, как говорится, акторы. Но есть и существующий меж ними, порождаемый ими, на манер запаха, эфир. Он тоже зовется словом «свои». «Пробрался к своим» значит: вернулся в среду изначальной для него и нас социальности. Непременно — вернулся,

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН

ибо она первична. В социальных науках об этом мире говорят как о мире первичных социальных отношений. Это отношения, при которых люди друг друга знают лично. Предельная понятность слов «знают» и «лично» именно предельна. Чтобы попробовать на русском же языке пояснить об-суждаемое сейчас значение этих русских слов, потребуются экстраорди-нарные усилия, но в результате понятность не прирастет.

ПРИВАТНОЕ

Будем считать, что мы сделали все возможное, чтобы указать, какие смыс-лы мы отыскиваем в словах «частное» и «приватное». Но ясно, что на них бросают ответ и смыслы из их антонимических отношений в парах «част-ное» — «государственное» и «приватное» — «публичное». При размыш-лениях и дискуссиях на эти темы в советские времена часто приходили к горестной мысли, что собственно публичного у нас нет, оно поглощено и подменено государственным. Где-то «там», в «нормальном обществе» (то есть в том, которое мы считаем эталоном, недостижимым идеалом), есть мир защищенной приватной жизни, из которой можно добровольно выходить в публичное пространство. Виделись картинки, как из своих добротных домов появляются горожане, собираются на площади, чтобы поприветствовать друг друга и принять совместные решения о своей об-щей жизни. И где-то в отдалении от их публичного есть еще и государст-венное в виде какого-то правителя или правительства с его стражниками и темницами, но также казней и законами. Ясно было, что у нас такого публичного в социальном пространстве нет. Над головой каждого сразу начинался бескрайний потолок государственного. Ясно было, что и при-ватное наше — маленькое, суженное до комнатенки в коммуналке, а то и до косячки, если не шконки. Потом стало полегче, приватное разрослось до двухкомнатной в пятиэтажке. Ну а теперь ему, кажется, нет пределов, хоть особняк на тыщу квадратов. Или два... Но чем больше метров, тем выше забор вокруг, иначе говоря, экстенсивное развитие приватного простран-ства по-прежнему означает его изоляцию от публичного. Виллы голли-вудских звезд имеют заборы и повыше, но они потому и звезды, что бли-стают в мире публичного. В нашем случае (гламур-имитацию в счет не берем) публичности как гражданского пространства все нет и нет.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Скажем еще раз, что приватное здесь — это зона первичных социальных отношений, социальное место, где взаимодействуют носители/исполните-ли традиционно связанных в некие институты ролей. Это институты род-ства, дружбы, ухаживания, вражды, мести и пр. как отношений людей, счи-тающих себя близкими друг к другу и в этом смысле отделенных от всех остальных. Социальные ролевые навыки, знание правил поведения и взаи-модействия получают здесь в процессах первичной социализации, они почти не отделены от самого поведения и взаимодействия. Стоит отме-тить, что попытки экспансии государственного (под видом «общественно-го») в эту сферу, имевшие место в начале советского периода, оказались неуспешны. Одиозные примеры вмешательства парткомов и профкомов в частную жизнь граждан в условиях позднего СССР, если сравнить, напри-

Предварительные замечания к рассуждениям...

мер, с КНР, не были серьезным фактором. Государство оставило частную жизнь на откуп тем, кого называли замечательным словом «население». Социальный контроль в его государственных формах здесь был наислабейшим. Но совсем другое надо сказать о соседней социальной форме.

Естественные законы социального развития — а такие, говорит наш опыт, существуют — ведут к тому, что первичные группы на определенном этапе своего развития начинают формировать образования более высокого порядка. Этот процесс изучен многими дисциплинами и описан в своих самых разных формах. Его результаты многообразны вплоть до формирования таких социальных агрегатов, как города и конфессии. Но нас будет интересовать та относительно простая разновидность вторичных социальных образований, которая получила название «гражданское общество». (Сразу скажем, что мир формальных институтов, прежде всего — государство, мы будем называть миром третичных отношений. О роли первичных и вторичных отношений на этом третичном уровне будет говориться особо.)

ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

Попавшее в российский обиход XVIII и последующих веков слово «гражданин» утратило свои связи со словом «горожанин» и в наименьшей степени обозначало принадлежность городу как сообществу независимых и равных. Оно стало означать и означает до сих пор примерно то же, что и слово «подданный», «раб» государя, но с той немаловажной разницей, что подчинение этой власти считается сознательным и добровольным. На место субъекта власти может быть помещен субъект авторитета, тогда гражданин себя считает обязанным не властителю, а его инобытным формам — обществу, стране, народу, наконец, государству. Быть гражданином, быть настоящим гражданином, быть гражданином своего общества — это высокая добродетель. Рекуррентным порядком можно образовать понятие «общество граждан».

Но это — не «гражданское общество», о котором говорилось ранее. В нашем обиходе слово «гражданин» означало экспозицию индивида, взятого из среды первичных отношений, высшему и всеобщему социальному образованию — государству. Спецификой нашей социальной истории является слабость, а затем и отсутствие этажа вторичных отношений. Не будем повторять всех ламентаций по поводу неразвитости гражданского общества в нашей стране, равно как и заклинаний по поводу его возрождения или роста. Ограничимся словами о том, что спонтанное его развитие не один раз прерывалось вмешательством государства и в досоветские времена. Но социальная машина, которая пообещала реализовать утопию коммунизма, здесь сотворила такое, что не снилось ни одному из утопистов.

Многими считается, что строй в СССР был этатистским, то есть все делалось лишь средствами государства — третичного по нашей номенклатуре образования. Иногда говорят о party-state, указывая на то, что партия — образование, которое по сути своей должно быть вторичным (в принятых нами терминах), также оказалось подчинено государству. Но дело было сложнее. Организация большевиков, захватившая государственную власть в стране России, была по характеру своему классической вторичной организацией, элементом гражданского общества этой страны. РСДРП, собственно, и сложилась в период, когда в России бурно росло это гражданское обще-

ство в его самых различных формах. Спецификой России следует считать то, что гражданское общество здесь находится в противофазе с государством и расцветает тогда, когда государство слабеет. Явные кризисы государства как третичного социального образования в 1903—1906 и 1917—1918 годах были временами активнейшего роста различных вторичных социальных форм, среди которых политические партии, и в частности РСДРП, были до поры лишь одним из направлений развития гражданского общества.

СОЦИОЦИД

В чем причины сильнейшего тоталитарного потенциала, который обнаружила в себе организация, назвавшаяся РСДРП-ВКП(б), мы здесь разбирать не будем. Фактом является то, что едва ли не раньше, чем была начата война с противниками политическими — другими партиями и движениями, и противниками «классовыми», эта организация начала устранение *социальных* конкурентов, то есть других организаций, имеющих одну с ней социальную природу, а именно принадлежащих уровню вторичных социальных образований. Кооперативы и товарищества, кассы взаимопомощи, общества по изучению чего-либо закрывались под предлогом «контрреволюционной деятельности». Из сегодняшнего дня хорошо виден иррациональный смысл этого предлога. В самом деле, отсутствовало *ratio*, отсутствовала, что примечательно, по большей части идеология, ибо действовал куда более сильный драйвер, который мы назовем социальным инстинктом организации. Государство-партия, гениальное социальное изобретение большевиков, было не только продуктом захвата государственной власти, но и результатом монополизации и узурпации всей жизни общества на его вторичном уровне. Жестко отмеренная совокупность полностью подконтрольных государству официальных вторичных организаций — партия, комсомол, профсоюзы, затем колхозы — должна была не иметь никаких соперников на своем социальном этаже. За соблюдением этого следила вся политическая система вкупе с ее карательно-сыскным компонентом. Обвинение в создании «организации», подозрение в создании «организации» стало главной паранойей времени.

За последние десятилетия на эту систему обрушивали громкие (хотя и неполные) обвинения в терроре, в репрессиях в адрес людей. Сказано было и о репрессиях в адрес народов, то есть о проявлениях геноцида. Система сама хвалилась уничтожением целых социальных групп, классов. Но этот список следует дополнить квалификацией множественных репрессивных действий режима как *социоцида*. Мы предлагаем так именовать намеренное уничтожение определенных естественно образующихся социальных форм, в данном случае — форм гражданского общества.

Между коллегами-социологами в свое время шла дискуссия о том, можно ли квалифицировать репрессии сталинского времени как национальную травму. Представляется, что наиболее заметный след в коллективной памяти оставили не Большой террор, не истребление крестьян, буржуа или интеллигенции. Это, как показывают опросы последних лет, народ помнить — помнит, но беречь в памяти больше не хочет, считай — простил. А заметен в ней след, который оставили именно непрекращавшиеся поиски и вытравливание любых ростков спонтанной социальности на уровне выше первичного. Мы говорим «заметен» в том смысле, что теперь это

Предварительные замечания к рассуждениям...

зияние на месте гражданского общества бросается в глаза наблюдателям — но сторонним или занявшим позицию сторонних¹. Им видно, что российская общественная жизнь в обычных условиях не способна породить образования второго уровня. Но общество само в лице рядовых своих граждан не способно даже замечать это зияние. Глубокий страх оказаться членом «организации» и тем самым — врагом государства, превратившийся в род социальной привычки, удерживает рядового россиянина от идеи объединяться с кем-то другим, кроме членов своей первичной группы. Многочисленные групповые дискуссии, которые приходилось проводить по теме «гражданское общество», показывают, что в публике вполне жива идея гражданства как долга или доблести перед обществом/государством, но ей чужда, непонятна и вызывает глухое отторжение идея гражданской организации, автономной от государства. Неблодность общества в отношении таких социальных форм, достигнутая систематическими чистками, закреплена блокировкой этого смыслового узла в общественном сознании².

Однако, как бы компенсируя этот дефицит, в тот же период расцветали отношения, имеющие с гражданскими образованиями на вторичном уровне социологическую если не аналогию, то гомологию.

СВЯЗИ И СЕТИ

Здесь намечаются две линии эволюции вторичных отношений. Обе связаны с развитием так называемых социальных сетей. Одна имела форму отношений знакомства, «связей». Нам приходилось об этом писать достаточно давно³, когда активно действовала социальная пара дефицит—блат. Исчезновение экономического феномена дефицита не привело, в отличие от того, что мы ожидали, к ослаблению важности «связей», «знакомств», которые ранее и звались «блатом». Исследования всего последнего десятилетия показывают, что «знакомства» теперь существуют в связке и со взяткой, и с немонетарными видами коррупции. В анализе дефицита-блата мы показывали, как эти партикуляристические и в основе своей первичные (знакомство!) отношения тянутся «выше», становясь вторичными, тяготея к институционализации, устремляясь на путь к универсалистским третичным отношениям. При анализе связки «коррупция—знакомства» мы видим обратный процесс редукции третичных формальных отношений к (квази)вторичным, замене универсалистических критериев партикуляристскими.

- 1 Предпринятая властью, которую символизировала фигура офицера госбезопасности, попытка реанимации в 2000-е годы гражданского общества (вспомним два форума в Кремле) должна быть поставлена в ряд с попытками реабилитации жертв репрессий, которые осуществлялись усилиями тех же органов в 1990-е. В обоих случаях эти субъекты — плоть от плоти российского общества — по политическим соображениям временно принимали оптику сторонних, играли не в свою игру.
- 2 Именно потому, что признавать эту неблодность травмой широкая публика совсем не склонна, мы и предлагаем применять слово «травма» к данному феномену российского национального самосознания.
- 3 Левада Ю.А., Левинсон А.Г. «Похвальное слово» дефициту // Горизонт (Москва). 1988. № 10. С. 26—38.

Усилиями Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина было показано, что социальные сети принципиально неспособны развиться в гражданские организации⁴. Исследование И.Е. Штейнберга⁵ продемонстрировало это на весьма красноречивом примере. Существование сетей, базирующихся на связях родства и единой этнокультурной идентичности тех, кто считается у нас евреями, даже при наличии целенаправленных и сознательных усилий не позволяет свести участников этих отношений в общину-организацию, вторичную организацию гражданского характера. Рельефность этого примера в том, что общины такого рода — например, при синагогах — существуют и некоторые члены сетей в них входят, но это случаи пересечения двух форм социальной организованности, а не перетекания одной в другую. Правы эти исследователи: в «нормальных» (то есть воспринимаемых акторами как нормальные) условиях даже активное развитие сетей не приводит у нас к образованию организаций вторичного уровня, организаций гражданского общества. Принципиально неформальный характер оставляет их в зоне первичных отношений, зоне, недостижимой для государства⁶.

Таким образом, сети в российском обществе существуют, не переходя в иные состояния — пока не возникнут некие особые условия. Здесь, в свою очередь, возможны два варианта. Их объединяет то общее, что у неких социальных субъектов — социально полноценных, вполне социализированных к данной (скажем, постсоветской) системе — возникает ситуация сочетания кризисов на уровне первичных и третичных отношений. По-другому можно сказать так: у людей массовым порядком случаются несчастья в их приватной жизни, и одновременно оказывается, что государство, власть бессильны, бездействуют, не выполняют того, что от них ожидается.

Различия между вариантами — в масштабах, в том, каково по классу, уровню то множество социальных субъектов, к которым пришла беда. Начнем с наиболее слабых примеров. Жители столичного квартала Южное Бутово оказались под угрозой потери жилья (или частичной утраты его качества). Жилье — сверхценный ресурс, его утрата — это несомнен-

4 Гудков Л.Д., Дубин Б.В. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // <http://www.polit.ru/documents/490769.html>. Не оспаривая основных положений этой статьи, заметим, что заслуживает особого рассмотрения феномен «Аль-Каиды». Ее всегда называют «организацией». Однако ее название переводится с арабского как «Сеть», и принцип ее построения, в самом деле, сетевой, с тем, впрочем, отличием, что эта сеть (подобно другим сетям подпольных организаций) ориентирована на решение задачи, достижение определенной общей цели. То есть по структуре это — сеть, по функции — организация.

5 Штейнберг И. Матрица доступа к ресурсам общины (диагностика уровня развития сети социальной поддержки в еврейской общине) // <http://old.hokma.ru/db/conf/directors/stainberg.htm>.

6 Речь не о том, что службы, занятые сыском, не способны проследить отношения знакомства. Конечно, способны и этим в значительной степени и заняты. Но по той модели разделения прерогатив между государством и населением (чтобы не говорить «обществом»), которая сложилась и принята обеими сторонами, «частная» жизнь, как мы отмечали, регулируется внутри самой себя и обычным государственным институтам неподвластна. Этим институтам приходится принимать статус чрезвычайных, особых, чтобы обеспечить себе право проникать в зону частной жизни, сферу неформальных отношений.

Предварительные замечания к рассуждениям...

но кризисная ситуация на уровне каждой семьи. От других случаев произвола, рейдерского захвата и т.п., когда люди считают, что в принципе они могут пожаловаться в государственные инстанции и те их защитят, эта отличалась тем, что такой надежды не было. По мнению попавших в эту ситуацию, на месте защитника и гаранта их прав они ожидали, но так и не смогли обнаружить государство. Оно их бросило. В этом смысле имел место кризис власти. Вот тогда в ситуации отсутствия третичного института может возникнуть вторичный — организация тех, кто переживает кризис в своих домах, семьях. Другие люди, не затронутые данной ситуацией, примыкать к такому движению не будут, да оно и не ищет их участия. Механизм образования союзов обманутых вкладчиков, обманутых дольщиков, теряющих работу или лишившихся автомобиля автомобилистов одинаков. Их союзы, организации возникают точно так же.

По смыслу такой же случай — возникновение Комитета солдатских матерей, потом — Союза этих комитетов. В основе его вновь лежит кризисная ситуация на уровне семьи: ушедший в армию сын погибает, пропадает, раздавлен дедовщиной и т.п. Нечего говорить, что это — много более острая, предельная ситуация. За сына в армии отвечает государство. Оно не выполнило своих обязанностей, не защитило сына и не помогло его найти, вернуть, спасти.

Чем ближе кризисная ситуация к витальным основам, тем более свободно и решительно действуют те, кого она коснулась. Кажется, что несчастье делает людей более сильными. Психологически это, возможно, и так. Но социопсихологически и социологически это значит, что чем глубже несчастье человека, тем больше ему позволено⁷. Чем ближе кризисная ситуация к кровному, карнальному, тем больше оснований у охваченных ею граждан проявлять солидарность с людьми, прежде не знакомыми, но оказавшимися в такой же ситуации, то есть выходить на вторичные отношения и — главное — далее их укреплять институциональными формами. Парадоксально, но именно в области наиболее глубинных и в этом смысле архаических структур находятся импульсы для формирования наиболее современных по отечественным меркам институтов. Недаром самыми массовыми организациями гражданского общества (по официальному счету) оказываются организации инвалидов и ветеранов. Характерно и то, что Союз комитетов солдатских матерей предпринял попытку образовать политическую партию.

Рискуя навлечь на себя обвинения в кощунстве, перейдем к другой аллоформе гражданской организации, которую нам явил расцветший в 1990-е феномен мафии. Рассматривая критерии, по которым мы выделяли организации второго уровня, мы замечаем, что карнального и кровного в структуре и практиках мафии более чем достаточно. Ясно и то, что мафия существует в тех местах социального пространства, где государства нет. В годы расцвета ореховских, липецких и прочих группировок нам не раз приходилось слышать, как граждане говорили, что мафия наводит порядок там, где государство этого не может/не хочет делать, что люди мафии

⁷ В основном эти правила существуют в виде неписаных норм, норм обычного права, национальной культуры. Но есть и случаи их кодификации: согласно инструкциям, при условии предъявления документа о смерти близкого родственника, проживавшего в отдалении, человеку, едущему на похороны, продают билет без очереди в железнодорожных и авиакассах.

честнее и порядочнее госчиновников и т.п. «Группировки» (или ОПГ) возникли в обстоятельствах развала многих госструктур — структур третьего порядка. Мафия — и итальянская, и американская, и наша — всегда рождается из первичных структур, отношений типа семейных, соседских, дружеских. Но в ней эти отношения служат материалом для создания социальной конструкции второго порядка — организации. Уровень организованности, который существовал в «группировках» на момент их расцвета в начале 1990-х, был явно выше того, который имели любые иные неправительственные организации, включая политические партии.

Второе направление, по которому прошло формирование вторичных структур, отличается тем, что в них не относительно редкие кризисные события собирают затронутых ими людей, а, напротив, процессы массовые и повсеместные дают начало множественным вторичным структурам по всему социальному пространству. В общих чертах и этот процесс был описан нами сравнительно давно⁸. Общие положения таковы: российская бытовая и трудовая культуры традиционно ставят торговлю на место непочетного занятия, торговую прибыль расценивают как полученную нечестным путем. В советской части этой традиции, как она сложилась к последним годам этого периода, запрограммировано отрицательное отношение к частному предпринимательству, предпринимателю, предприятию. Для «нормального» советского человека участвовать в такой деятельности означало выпасть из «нормальной» структуры статусов.

Эти установки существовали как господствующие. Всегда были люди, которые им не соответствовали, они расценивались либо как преступники, либо как чужие или чуждые⁹. Были группы, внутри которых издавна существовала или формировалась субкультура с иными установками. Таковы были различные национальные группы-анклавы, обычно диаспорического характера. В рамках этих групп существовала культура торговых народов, имевшая совершенно другие основания. Была и значительная по размерам теневая экономика со своим предпринимательским сектором. К ней примыкала субкультура работников торговли. Взгляды людей, включенных в эти процессы, были, конечно, иными. В некоторых локусах формировалась и новая предпринимательская субкультура. Судя по преданиям, таковы были организации по инновационной деятельности при ЦК ВЛКСМ. Но все эти группы имели характер маргинальных.

Констатируя господствующий антипредпринимательский дух, мы говорим о социальных неписаных нормах; уголовное законодательство, писанные нормы в данном случае были с ними заодно. Когда в начале 1990-х были внесены изменения в закон и предпринимательская деятельность была разрешена, на общественные нравы, как показывали тогда опросы ВЦИОМ, это практически не повлияло. «Прокапиталистические» настроения встречались как исключение. Практики же не было по-прежнему. Но с углублением экономического кризиса, с упразднением или зримым ослаблением структур государственного управления обнаружились новые явления.

⁸ См.: *Левинсон А.Г.* Опыт социологии. М.: НЛО, 2004. С. 309 и сл.

⁹ Исключение представляют сельские жители, которые занимались торговлей на так называемых колхозных рынках. Но они имели тот «дефект» по отношению к полноценному советскому человеку, что были «частниками». Дальнейшее, кстати, показало, что из их среды не вышли массовым порядком ни бизнесмены, ни фермеры.

Предварительные замечания к рассуждениям...

В массовом масштабе, как и в 1918—1921 годах, среди жителей страны стали появляться активные индивиды, занявшиеся торговлей. Иными словами, на место полностью развалившейся системы государственного снабжения и распределения продовольствия и товаров первой необходимости встала организовывавшаяся по принципам сети массовая система мелких частных предпринимателей, которые взяли на себя приобретение, распространение и реализацию этих товаров и продуктов. В годы после революции их называли «мешочниками», в годы после перестройки — «челноками».

Заслуживает анализа со стороны экономистов тот внезапно возникший стихийный рынок с миллионами продавцов, перепродавцов, в который превратилась на время страна. Но мы здесь хотим указать на поразительный факт. Предпринимательская деятельность в ее самом презираемом варианте («спекуляция») сделалась массовым занятием людей, которые до того никакого отношения (кроме сугубо отрицательного) к ней не имели.

В упомянутой работе мы пытались показать, как ситуация, которую называли «развалом государства», могла способствовать таким массовым переменам ролей и статусов. Мы заключали на основании проведенных тогда исследований, что, как и в рассмотренных выше случаях, временное отсутствие государства у привыкших к его доминированию субъектов приводит не к аномии и развалу общества, а к включению альтернативных или резервных программ поведения (и отключению «повседневных» регуляторов, что и воспринимается как «развал»). Их нормативный строй сильно отличается от «повседневного».

Массовые смены ролей обычно описывались социологами применительно к ситуациям войн, революций, т.е. обстоятельств, когда происходили массовые трансформации общественных отношений, деклассирование и т.п. Мы настаиваем на специфике ситуации 1990-х, когда под покровом действительного развала одних институциональных структур происходит упорядоченная, следующая определенной программе трансформация других.

В чем состоит эта программа? Ее суть — в изменении социальных координат действия. Развал третичных структур, подавлявших возможность развития вторичных, приводит к их активному развитию. В описываемой ситуации это означало, во-первых, трансформацию первичных связей — семейных, дружеских — в деловые. (Совмещение семейных отношений с производственными имело место массовым образом в сельских семьях, занятых аграрным трудом.) Отношения между «своими», прежде означавшие обмен знаками поддержки и солидарности, превращались в сети, по которым двигались товарные и денежные потоки. Во-вторых, это означало превращение регуляторов отношений внутри первичных групп (честность, верность и т.п.) в регуляторы отношений внутри бизнеса. Отметим, что юридических регуляторов на тот момент не было. Альтернативой позитивным регуляторам из обихода первичных групп оказывались механизмы насилия, угроз убийства и собственно убийств. В мафии практиковались именно они (но и отношения солидарности, поддержки, верности и пр., что удивляло узнавших об этом «честных граждан»).

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Приватное пространство оказалось единственным местом, где мог существовать и развиваться бизнес. Именно этот процесс следовало бы назвать словом «приватизация».

Слово, однако, занято и означает процесс, который имеет совершенно другую социальную механику. Под приватизацией у нас понимают появление частных лиц в качестве собственников того, что считалось принадлежащим государству. Феномены, о которых мы говорим, могут сопровождать, а могут и не сопровождать подобные трансформации. Отметим те моменты в изменениях отношений собственности, которые связаны с понятием «своего».

Понятие собственности, частной собственности, прав частной собственности — тонкий и изысканный продукт цивилизационного развития. Не на всех линиях этого развития он был обретен. Понятия «мое», «свое» с их антонимами, то, что в нашей традиции можно считать референтами категории частной собственности, работают не совсем так, как эта категория. Когда говорят, что частная собственность священна, указывают на то, что делимитация социального пространства и правила поведения в его разных частях здесь заданы инстанцией, которую все участники взаимодействия полагают заведомо более высокой, чем авторитет любого из них. Как бы ни возникала эта инстанция, по Дюркгейму с Марксом или нет, она сильна. Собственно, она — закон, то есть норма с подобающей санкцией и средствами наложить эту санкцию на возможного нарушителя. Будучи впечатленным в человека, этот закон становится интериоризованной нормой. Человек если не сам налагает на себя санкцию за ее нарушение, то может сам себе подарить гратификацию за ее соблюдение. Специфическое удовлетворение, довольство собой от собственного конформного и законопослушного поведения — мощный регулятор.

В дихотомиях «мое»—«твое», «мое»—«чужое», которые в основном и работают в зоне «своего», среди «своих», граница зачастую проводится не в результате конвенции, отнимающей некие права у каждого участника интеракций и делегирующей их некоторой верхней инстанции, а в результате силового взаимодействия актуальных статусов, которыми располагают индивидуальные и коллективные акторы. Санкция за присвоение не «своего» в таких условиях не является неременной. Она может последовать от другого, который считал нечто, взятое у него, своим, но может и не последовать, если он не заметил или не может применить санкцию, так как он в том или ином смысле был слабее присвоившего (или сделан слабее — ранен, убит). Норма вместо непреложной является в таких случаях окказиональной. Такая норма не интернализуется, не складывается механизм совести как саморегулирования индивидуального поведения.

Представители тех общественных образований (сословий, слоев, конфессиональных или национальных групп, наций), где развилось и укоренилось представление о частной собственности, часто с удручением отмечали, что рядом с ними оказывались те, кого они считали вороватыми и бессовестными. Во многих исторически нам известных случаях у первых была возможность вторых наказывать, либо воспитывать, либо, наконец, изучать. Столь же многочисленны попытки от них изолироваться и отказываться их понимать. Известны и случаи исторического реванша, когда те, для кого была священна не собственность, а другие сущности, оказывались в роли грабителей-победителей, экспроприаторов и национализаторов.

К 1990-м годам, когда были сделаны попытки ввести (восстановить) институт частной собственности в России, наше общество пришло с не очень удачным для этого социальным опытом. Слишком часто на протяжении жизни нескольких поколений оказывалось, что «свое» — это только то, что удастся сохранить перед лицом насилия или умножить путем насилия. По-

Предварительные замечания к рассуждениям...

громы и грабежи, имевшие массовый (а не исключительный) характер в эпоху Гражданской войны, государственные или проводившиеся от имени советского государства акции по экспроприации и национализации, далее государственные же запреты на частную собственность — этого достаточно, чтобы сделать вдруг введенный институт частной собственности шатким, не имеющим опор доверия и уважения. Дабы по возможности коротко отделаться от неизбежных и наиболее популярных ассоциаций со словом «приватизация», лучше даже — «прихватизация», скажем, что в обществе, не знающем твердых критериев легитимности, любой способ обретения собственности может быть объявлен нелегитимным. Собственность по-прежнему гарантирована обладателю не абсолютным законом, но соотношением сил, то есть в той мере, в которой она защищена его силой.

БИЗНЕС СО «СВОИМИ»

Вернемся к ситуации возникновения бизнеса не из раздачи госсобственности, а из частнопредпринимательской деятельности индивидов. Этот путь кажется вполне заурядным. Во всем мире на протяжении веков предприятия и фирмы возникали из первичных отношений — семейных или товарищеских. Специфика нашей исторической ситуации состоит в нескольких моментах. Первый заключается во внезапности и массовости этого перехода. Предпринимательский класс возник в течение кратчайшего по историческим меркам периода. Его образовали люди, прежде с предпринимательской деятельностью не связанные и относившиеся к ней негативно. От исторически хорошо известной ситуации перехода в класс мелких буржуа представителей других слоев описываемая отличается тем, что в постсоветской России такого класса не было, он и был ими создан в одночасье за счет коллективного, массового перехода к частнопредпринимательской деятельности. Это значит, что разом и вдруг миллионы людей начали следовать иным правилам и нормам. Откуда они их взяли, если подражать было некому, спросить было не у кого?

Для объяснения этой загадки мы ввели понятие альтернативной социальной программы. Она включается тогда и только тогда, когда государственная структура расценивается акторами как отсутствующая либо, что то же, действующая не адекватно ситуации.

Мы не говорим, что занятие бизнесом заложено в природу человека или в национальный характер россиянина. Но беремся утверждать, что нормы межличностного взаимодействия, которые называются предпринимательской активностью, как и обслуживающие их представления о ценностях и целях этой деятельности и прочие социальные аксессуары, наличествуют в отечественной культуре, транслируются в ходе социализационного процесса. В «нормальной» ситуации им назначен статус отвергаемых, благодаря чему они хранятся как латентные¹⁰.

Многочисленные исследования, проводившиеся нами в 1990-х годах, показывали, что новоявленные бизнесмены отдавали себе отчет в том, что их

¹⁰ Можно предположить, что таково же положение с нормами насилия и некоторыми другими. Они передаются в процессе социализации (см.: *Левинсон А.* Опыт социологии. С. 583), известны добропорядочным гражданам, но — как недопустимые. При определенных (культурно определенных) условиях запрет на них снимается.

новое положение — беспрецедентно, а очень многие полагали, что оно временное. Самым ярким примером было совпадение этих представлений и выражающих их словесных форм у лиц, находившихся в противоположных концах на шкале богатства. Человек, занявшийся нищенством, и человек, вошедший тогда в число крупнейших предпринимателей, в интервью пользовались одной формулой: «...когда все это кончится, я вернусь к своей обычной жизни...» (в которой их статусы были довольно сходными).

Временным считали свой статус не только новички, ограничившиеся первыми в их жизни торговыми операциями, но и те, кто сумел подняться, развернуть бизнес, иногда весьма успешный. Приходилось, и не раз, выслушивать признания от этих бизнесменов о том, что им в тягость их успехи и они стыдятся обнаружившейся у них коммерческой жилки, она не к лицу честному инженеру. Впрочем, на другом витке разговора-интервью они же не могли скрыть гордости собой. Гордились лишь отчасти этой самой жилкой-смекалкой, но более всего тем, что начинали с нуля, *ничего не зная, ничего не умея*, начинали в ситуации жестокой нужды и беды в семье и в кратчайшие сроки *решили вопросы*, гарантировали семье нормальную жизнь. Эти люди в первые годы последнего десятилетия XX века не строили планов на будущее, они были ему открыты — перспективе ли рынка и демократии, перспективе ли возвращения советского строя. Они понимали, что рано или поздно безвластие, в обстоятельствах которого они взяли свою жизнь и жизнь близких под свою и только свою собственную ответственность, закончится. И были готовы в тот момент сдать свои полномочия тому, кому полагается, — по законам не тогдашнего «безвременья», а настоящего «времени».

Но безвременье тянулось, а у бизнеса есть свой закон — он должен расти, и эти люди тягивались в новую для них деятельность и действительность. Для нашей темы важно, что в эти первые, важнейшие для становления бизнеса годы предпринимательская деятельность была, как неоднократно отмечалось, не обслужена соответствующими институциональными средствами. Не было законов, а если и были, не было инстанций, способных их исполнять или следить за их исполнением. Не было институтов, обслуживающих оборот денег, и т.д. В последние годы было сказано много слов про то, что это был «дикий капитализм», что существовал «беспредел» и пр.

В СРЕДНИЙ КЛАСС — БЕЗ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОГО

Пора указать на то, что именно — в отсутствие писанных законов и формальных институтов — поддерживало исполнение законов неписанных и существование институтов неформальных. Весьма специфичная деятельность, каковой является предпринимательство, обслуживалась в то время неспецифичными нормами и образцами взаимодействий, существовавшими в сфере частного. Снова скажем, что использование связей, вроде знакомства или родства, для целей деловых отношений имеет самое широкое распространение в культуре коммерсантов Запада и Востока; мы знаем, что в традиционных обществах торговля полностью осуществляется в рамках неформальных отношений. Но там имеется мощный механизм традиции, указывающий, как именно родственные или соседские отношения могут быть (и как не могут быть) использованы для обеспечения торговых трансакций, обмена, ссуд и пр.

Предварительные замечания к рассуждениям...

Наши герои находились в ситуации, когда им приходилось импровизировать и изобретать. Сегодня звучат как анекдоты рассказы о том, как сексуальными отношениями или выпивкой укрепляли коммерческие отношения. Но факт остается фактом: сфера частного выдержала и взрастила внутри себя отечественную бизнес-культуру. Привлекал много внимания компонент насилия, который был весьма выраженным и в некоторых обстоятельствах становился доминантным.

Беспорно, насилие со стороны частных лиц по отношению к частным же лицам имело место. Но не оно составило специфику периода. В тот период, когда государство, насилие с чьей стороны принято считать легитимным, не выполняло своих регуляторных функций, прерогативу осуществления насилия взяли на себя выросшие в обществе структуры. Хочется напомнить, что слово «бандит» в те годы стало определением профессии человека, а не указанием на то, что он совершил противоправные действия. «Силовое предпринимательство», как назвал его В. Волков, осуществлявшееся вооруженными группировками любого происхождения, среди которых правоохранительные структуры практически ничем не выделялись, взяло на себя функции поддержания определенного социального порядка.

Сложившаяся социальная система просуществовала недолго. То, что пришло ей на смену, то общественное состояние, в рамках которого мы далее стали существовать, заслуживает собственного описания и анализа. Но система, при которой вторичные структуры, объединявшие всегда только «своих», сумели пронизать все общество и удержать его от множества ужасных уделов, которые ему грозили, — войны, распада, голода... — заслуживает со стороны исследователей не только интереса, но и уважения.

КРИЗИС ПРИВАТНОГО

Вернемся к началу наших рассуждений. Там речь шла о том, что избранный для изучения предмет нелегко усмотреть, поскольку мы находимся «в нем» и необходимо приложить усилия для того, чтобы выделить его как предмет, поскольку описываемый через категорию частного аспект переживаемой нами социальной действительности находится в кризисе. Выше мы посвятили несколько страниц описанию триумфа частного, выносившего в себе чуть ли не главное из того, что мы можем считать сейчас новой Россией. Что же тут говорить о кризисе? И что говорить о кризисе материи, которая, как мы уже говорили, обычному взору не видна?

Все эти недоумения разъясняются следующим образом. Бизнес, в самом деле, вырос из частного. Но, переходя от прошлого десятилетия к нынешнему, мы повторим эту формулу, вкладывая в слово «вырос» уже несколько иной смысл. Нынешний деловой мир обладает пусть недостаточным, но значительным набором формальных (юридических, финансовых, маркетинговых и др.) институтов, обеспечивающих его существование. Из частного он вырос, как из детских одежд, частное перешло здесь на те же примерно места, на которых оно существует в других обществах. Это зоны неформальных отношений внутри и вокруг формальных институтов. Иное дело, что здесь развитие пошло по пути, который обычно расценивается как неблагоприятный. Неформальные отношения, к которым относятся коррупцию, занимают в нашем обществе, как и некоторых других, слишком большое место, препятствуя развитию институтов, на которых они базируются. Это — один из поводов говорить о кризисе частного.

О коррупции в России сказано так много, что мы можем ограничиться несколькими замечаниями, быть может, не вполне совпадающими со всеобщим пафосом осуждения и сокрушения по этому поводу. Первое замечание касается отношения жителей страны к коррупции. На уровне словесных обозначений коррупцию, взяточничество назовут злом чуть ли не все, кого мы об этом захотим спросить. Так будет потому, что ситуация подобного вопрошания, публичного обсуждения этого феномена предполагает пребывание в публичном дискурсе. Там для коррупции нет других слов, кроме осуждения. Но, переходя к другим дискурсам — деловому, бытовому, «житейскому», — мы находим (у тех же респондентов!) другие углы зрения и оценки этих же действий. Перенос в бытовые или деловые обстоятельства, когда надо «решить проблему» или «порешать вопрос», пафосных осуждений коррупции из дискурса публичного считается неуместным между людьми. Такое если и делает, то суд (который, в свою очередь, многие считают коррумпированным).

Одной из главных зон возникновения коррупционных отношений, волнующих медиа и публику, является зона соприкосновения государственных (формальных, третичных) структур с частными лицами и частными интересами. Специальное исследование этой зоны, в котором недавно приходилось принимать участие, показало со всей убедительностью, какую можно ожидать от социологического исследования, что в этой зоне прямой контакт посетителя и чиновников, обывателя и учреждения, человека и системы практически невозможен. Система осуществляет внутри себя коммуникацию на специальном внутреннем языке. Это язык ведомства, язык его документов, его подсистем. Это язык и в широком смысле — как совокупности семиотических систем и кодов разной природы, и в узком смысле — как ведомственной терминологии, профессионального жаргона. Он не может не быть специальным. Функция изоляции обслуживаемого им института от внешней среды, вообще говоря, не главная, хотя важная и неперенная. Этот язык как специальный, по определению, не может быть ведом постороннему, каковым является посетитель. Бывают «профессиональные посетители», столь долго общающиеся с данным учреждением, что выучили этот язык. Но для большинства он невнятен. Исследование показало, что в этой точке необходим и потому непременно возникает переводчик или интерфейс.

Чаще всего роль переводчика выполняет сотрудник ведомства, который «как человек» говорит с посетителем на понятном ему языке. Эта роль — всегда неформальна. Причины, по которым данный сотрудник решает выступить в этой роли для данного посетителя, могут быть разными. В большинстве случаев эти причины мы квалифицируем как коррупционные (взятка, знакомство, избирательное отношение к посетителям, произвол). В редких случаях интерфейс выделяет само ведомство в форме «окна» или службы «по работе с населением». У такого решения, как показала практика, две перспективы. Одна: «окно» постепенно принимает на себя функцию шлюза или буфера, защищая ведомство от «ненужных» клиентов, прежде всего — слишком много знающих «профессиональных посетителей». Вторая: «окно» разрастается в эффективного посредника, принимающего на себя часть функций стоящей за ним службы, но оказывающего государственные услуги за плату. Практика выделения служб, которые продают за деньги те услуги, кои госучреждение по закону должно оказывать бесплатно, является расширяющейся. Как показало исследование, реаль-

Предварительные замечания к рассуждениям...

но возражает меньшинство, которое говорит: «Мы уже уплатили за услуги госучреждения, заплатив налоги государству. Как можно повторно брать с нас за них плату?» Но большинство посетителей приветствует это новшество. Особенно активно приветствуют бизнесмены. «Чем платить кому-то в лапу, я лучше заплачу открыто». Сами расходы их не беспокоят — «внесу их в стоимость продаваемого мной продукта, и все в порядке». Роль переводчика предлагают адвокаты, но и это платная услуга.

Последние в ряду институтов, заменяющих «человеческое отношение» в третичных формальных структурах, — НКО/НГО. Они иногда предлагают подобного рода услуги тем или иным категориям граждан. Но для этого им нужны средства. С источником средств для организаций гражданского общества сложности очень велики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От антропологии «закрытого общества», конечно, надо переходить к социологии такового. Этот методологический прием позволяет существенно расширить круг социальных ситуаций, квалифицируемых как «закрытые». Такой подход в свое время был намечен И. Гоффманом, предложившим рассматривать «институты тотальности», отыскать которые можно было в самых разных обществах. Но в политической социологии (не говоря о публицистике), как отметил уже А. Гофман¹¹, восторжествовала более простая манера делать по умолчанию единицей рассмотрения «общество», а на самом деле — государственное образование и его население, и далее считать его тоталитарным или нетоталитарным в зависимости от характера политического режима. У такого подхода есть серьезные исторические основания: институты тотального свойства в силу своей природы стремятся захватить все и перерождают всю социальную ткань, занимая весь объем национального государства (и далее стремясь за его пределы). Опыт XX века слишком много сделал для того, чтобы именно имперские либо национально-государственные формы и размерности таких феноменов, как тоталитаризм и закрытость, казались единственными, основными или наиболее опасными. Закрытость была осознана как угроза обществу и человеку.

Опыт XXI столетия при всей его краткости заставляет требовать от социологов новой зоркости, чтобы искать проявления тотальности, закрытости и им подобных социальных состояний на двух других уровнях. Один — уровень, на который выводят процессы глобализации. «Закрытость» может парадоксальным образом выходить в открытые пространства наднациональных, международных масштабов. Динамика фундаментализма, на наших глазах рвущегося на уровень глобального процесса, показывает это со всей очевидностью. Другая действительность, где могут консервироваться, а то и развиваться новые феномены закрытости, находится на субсоциальном уровне отдельных институтов, включающихся в общества самых разных типов. Здесь надо научиться их видеть и изучать.

Симметричным порядком социологам надо быть готовыми видеть феномены открытости в щелях и разрывах структуры, изначально тоталитар-

11 Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2005. № 1.

ной. Общества не обречены на закрытость, хотя ее идеологи более всего тратят сил на утверждение ее извечности и вековечности.

Особую проблему представляют случаи, когда, как это было недавно у нас, раскрытие общества, казалось, состоялось. Оно состоялось за счет энергии структур, которые хранились в области частного. В данном случае надо указать на то, что по своему типу эти структуры и образуемые ими институты, о которых говорилось в статье, были по преимуществу неформальными. Их трансформация в формальные институты вроде партий, парламента оказалась неудачной в основном потому, что для большей части попавшего в новые условия общества неформальные типы отношений продолжали оставаться более адекватными. Формальные, в смысле — имеющие надлежащую институциональную форму, институты демократии быстро превратились в формальные в смысле символических форм, лишенных для большей части общества социального содержания.

Частное сделало свое дело в обстановке кризиса власти. В беспрецедентно короткие сроки в стране были созданы новый класс, новый уклад в экономике. Чего не сумел сделать этот новый общественный конструкт — он не сумел сохранить свою гегемонию, свою доминантную позицию в обществе. Возникшие в момент зияния государственного элементы общественного и гражданского, начатки демократии не показали себя обществу в самом деле самостоятельными, самодостаточными и самоценными. Привычное предпочтение государственных форм как единственно настоящих осталось преобладающим в массовом сознании. Государственному началу не оставило никакого труда вернуть себе командные позиции в любой сфере, в которой оно сочло это для себя желательным¹².

Во взаимодействии с государственным сегодняшнее частное как не состоявшееся гражданское в основном использует схемы коррупции. Если угодно, так оно берет в наших условиях реванш за свое политическое фиаско.

А для большинства частного ныне снова означает «частную жизнь», круг «своих», и только. Не видно, чтобы в нем сейчас концентрировались силы обновления. Но оно неплохо выполняет роль убежища, единственной отрады. Вот результаты опроса, проведенного «Левада-центром» в начале 2009 года:

НАСКОЛЬКО ВАС УДОВЛЕТВОРЯЕТ:

(доля выбравших ответы «полностью удовлетворяет»
и «в основном удовлетворяет»)

Экология	48%
Работа	51%
Жилье	54%
Питание	56%
Жизнь в целом	70%
Круг моего общения (друзья, соседи, знакомые, коллеги)	87%

12 Гражданские структуры в виде ополчения Минина и Пожарского освободили страну, в их руках была отвоеванная власть. Но эту власть они сложили к ногам Романовых, надолго определив пути развития российского общества, напомнил А.А. Аузан. См.: Коалиции для будущего: Стратегии развития России в 2008—2016 гг. / Сост. Л.М. Григорьев, А.А. Аузан, С.А. Афонцев и др. М., 2007.